

Позади кто-то раздавил опавшие лепестки, с хрустом переломилась ветка. Сун Сичжи обернулся — это шла Сун Сялань. Левой рукой она сжимала половину сломанной сливы, а правую раскрыла ладонью вверх и протянула к нему, слегка улыбаясь уголками губ:

— Сестрица, нам пора возвращаться.

Её улыбка была легкой, как весенний ветерок, но веяла зимней стужей.

Сун Сичжи кашлянул: гляди-ка, прибежала маленькая лисичка, охраняющая свою добычу.

Только жаль, он не её добыча и в её защите не нуждается.

Пропало даром чужое доброе намерение.

Заметив приближение постороннего, Цзин Хэчжоу решил, что сейчас неподходящее время для разговоров. Он бросил взгляд на Сун Сялань, а затем попрощался с Сун Сичжи.

Погода стояла поистине прохладной. Ветер дул сильный, пронизывающий до костей.

Цзин Хэчжоу остановился и оглянулся. Те двое стояли очень близко друг к другу, словно о чём-то шептались.

Неизвестно, что именно Сун Сичжи сказал своей хорошей сестрице, но это заставило девушку озарить всё вокруг лучезарной улыбкой, прекрасной, как цветущие персиковые сады.

Цзин Хэчжоу потёр нос, собираясь продолжить путь.

Однако девушка вдруг подняла голову и в упор уставилась на него. Прекрасная красавица в бледно-дымчатых, похожих на тушь и воду одеждах сбросила личину мягкого равнодушия, обнажив пронизывающие до мозга костей ледяные шипы.

Эта женщина желала ему смерти — такой смерти, чтобы от него не осталось даже могилы.

Разве он чем-то насолил ей? Кажется, он не мог припомнить такого.

Эх, какая карра!

Какая карра!

Цзин Хэчжоу скользнул взглядом по Наследному принцу, стоявшему на высоком здании слева,

и невольно схватился за голову, сокрушенно вздохнув:

— Какая напасть! Просто невероятная напасть!

Вышел на свидание, а за ним следит столько народу.

Хм, похоже, он действительно ввязался во что-то крайне неприятное.

И притом в то самое неприятное, что он ненавидел больше всего на свете — в борьбу за власть.

Как не вовремя же он вернулся!

Да и плевать!

Помахивая белым веером, Цзин Хэчжоу порхающей походкой удалился: сегодня есть радость — пей до дна сегодня, не спрашивай, настанет ли завтрашний день!

Завтрашние проблемы будем решать завтра!

Когда Цзин Хэчжоу ушел, Сун Сичжи взглянул на ночное небо: уже совсем стемнело.

— Банкет подходит к концу, пойдем назад.

Сун Сялань смотрела на человека рядом с собой. Его лицо в лунном свете казалось бледным и тихим, а слова звучали мягко — точно капли дождя, мелкие и частые, с примесью прохлады. Совсем как он сам: бесшумный, холодный и отстраненный, но неизвестно когда сумевший проникнуть в её сердце.

— Сестрица, кажется, так близко знакома с Четвёртым принцем?

— Банкет показался мне слишком скучным, я вышла подышать воздухом и случайно столкнулась с Четвёртым принцем, вот и всё.

Они действительно познакомились только что? Почему, когда он говорил об этом человеке, его глаза будто светились?

Они росли вместе с самого детства, но даже Сун Сялань никогда не видела его таким расслабленным, искренне и широко улыбающимся.

Разве они не были неразлучны, не были самыми близкими и родными сестрами?

Они связаны кровными узами и опираются друг на друга, с малых лет вместе играли на цине и рисовали картины, не тая друг от друга ни единого секрета.

Разве они не должны были говорить обо всем на свете и быть самыми близкими друг другу душами?

Но теперь их платья по-прежнему соприкасались, а руки тянулись друг к другу, и хотя они стояли на расстоянии вытянутой руки, казалось, что между ними пролегла огромная пропасть.

Эта бездна пугала Сун Сялань. Она не могла выразить это словами.

Ей хотелось плакать. Но нельзя. И не годится.

Сун Сичжи спросила:

— Что такое?

Сун Сялань бережно поддержала Сун Сичжи и подняла лицо. У неё было нежное овальное лицо. В глазах таилась улыбка, а на самом дне пряталась едва заметная робость.

— Ничего. Просто есть кое-какие слова, которые мне хотелось сказать сестре. Вы редко бываете вне дома и не знаете, каков на самом деле Четвёртый принц. Он ужасно падкий на женскую красоту, у него несметное количество возлюбленных и подруг, он постоянный гость в весёлых кварталах.

Он привык сыпать сладкими речами, а раз сестрица такая красавица, лучше держаться от него подальше.

У Сун Сичжи дрогнули веки: дурная слава Цзин Хэчжоу касательно его ветрености действительно была правдой, однако в делах сердечных он никогда не опускался до пошлости и принципиально отличался от тех распутников, что лишь предавались гульбе и пьянству.

С чего это вдруг Сун Сялань описала Цзин Хэчжоу так, будто он какой-то наглец и озабоченный хрыч?

К тому же, разве совсем недавно Сун Сялань не говорила, что он ей нравится? Почему её слова так быстро переменились?

Неужели безответная любовь переродилась в ненависть?

Сун Сичжи мысленно представила смазливое личико Цзин Хэчжоу, от которого все вокруг

теряли голову, и его речи, словно смазанные мёдом, после чего предположила про себя:

Она кивнула:

— Угу, я поняла.

Голос Сун Сялань прозвучал сухо:

— Главное, чтобы сестрица понимала чувства Лань-эр.

Разговаривая на ходу, они незаметно вернулись к месту проведения банкета.

Пир подходил к концу, а поскольку Император хворал и ему не следовало злоупотреблять вином, он уже удалился. Остальные сановники и члены их семей тоже один за другим собирались уходить.

Увидев, что они обе вернулись, Сун Цы подошёл и распорядился:

— Стражники ждут у ворот дворца, поезжайте в поместье вдвоём, а я закончу с делами и тотчас приеду следом.

Сказав это, Сун Цы повернулся и продолжил общаться с остальными гостями.

Конечно же, всё снова было именно так. Сун Сялань тяжело вздохнула, вместе с Сун Сичжи вышла за пределы дворцовых ворот и забралась в экипаж.

Сун Сичжи утешила её:

— Отец занимает пост канцлера, дел у него неувпроворот, и порой он просто не успевает уделить нам внимание. Сестрице не стоит брать это в голову.

Сун Сялань лишь глухо отозвалась, но между её бровей по-прежнему залегла смутная тень уныния, так и не рассеявшаяся до конца.

В глазах Сун Сичжи мелькнуло сочувствие: семейное согласие — столь простое желание — в семье Сун было невозможно исполнить никогда.

Она закрыла глаза, не желая разрушать наивную надежду Сун Сялань.

Колёса экипажа со стуком крутились, обе сидели рядом, каждая со своими потаёнными

мыслями.

Монастырь Юньсюнь.

Эта обитель была возведена в глубине гор и особой славой не пользовалась, поэтому паломников сюда заглядывало немного.

Именно из-за малолюдности это место казалось необыкновенно древним, тихим и уединённым. Даже на каменных ступенях зеленел мягкий мох.

Опираясь на руку Цю Тун, Сун Сичжи сошла с повозки и зашагала по лестнице.

Куда ни кинь взгляд — кругом окутанные дымкой зелёные горы, куда ни кинь слух — лишь щебетание птиц. Прекрасные горы, чистые воды, пение птиц и аромат цветов. Поистине превосходное место.

Когда они вошли внутрь монастырского комплекса, у ворот их уже поджидал молодой послушник. Он был одет в серые полотняные одежды, а на лице еще проступала юношеская наивность.

<http://bllate.org/book/26459/3167347>